

П.Х. Граббе и Союз благоденствия

Елизавета Клевенская

P.Kh. Grabbe and the Union of Prosperity

Elizaveta Klevenskaya

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X25010059, EDN: AIVAGB

В 1860–1870-е гг. П.Х. Граббе (1789–1875) занимал видное положение. Генерал от кавалерии (1855) и наказной атаман Войска Донского (1862–1866), он в 1866 г. получил графский титул и стал членом Государственного совета. Его портрет был помещён в знаменитом альбоме Г.И. Деньера вместе с фотографиями особ Императорской фамилии и наиболее известными сановниками, военачальниками, архиереями и литераторами¹. Между тем его блестящая карьера могла оборваться ещё в середине 1820-х гг., когда он оказался под следствием как один из участников тайных обществ, готовивших военные мятежи, которые произошли при вступлении на престол Николая I. Сам граф впоследствии избегал разговоров на эту тему и отрицал свою принадлежность к Союзу благоденствия². В его воспоминаниях события 1813–1825 гг. не освещались³. Что же связывало Граббе с заговорщиками и почему эти компрометирующие связи не отразились на его положении в русской армии и не повлияли на отношение к нему императора, уже в 1839 г. сделавшего Павла Христофоровича своим генерал-адъютантом?

Поскольку дневники, которые Граббе вёл до декабря 1825 г., после его ареста уничтожили домочадцы⁴, судить о том, насколько он был погружен в конспиративную деятельность, приходится по отрывочным свидетельствам, сохранившимся в следственных делах⁵ и мемуарах⁶ декабристов, а также в частной и служебной переписке современников⁷.

© 2025 г. Е.С. Клевенская

¹ Деньер Г.И. Альбом фотографических портретов августейших особ и лиц известных в России (1865–1866). СПб., 1867. С. 62.

² См., в частности, его переписку с Н.М. Орловым 1872–1873 гг.: Съезд членов «Союза благоденствия» // Русская старина. 1873. № 3. С. 374.

³ Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. М., 1873; Записная книжка графа П.Х. Граббе. М., 1888.

⁴ Азадовский М.К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Литературное наследство. Декабристы-литераторы. Т. 59. М., 1954. С. 747.

⁵ ГА РФ, ф. 1839, оп. 1, д. 165; ф. 48, оп. 1, д. 106; РГВИА, ф. 36, оп. 4, д. 424; Восстание декабристов. Материалы. Т. 1 / Под ред. М.Н. Покровского. Л., 1925; Т. 4 / Под ред. М.Н. Покровского. Л., 1927; Т. 9 / Под ред. М.В. Нечкиной. Л., 1950; Восстание декабристов. Документы. Т. 20 / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 2001.

⁶ Муромцев М.М. Воспоминания // Русский архив. 1890. Вып. 1, 3; Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / Под ред. С.Я. Штрайха. М., 1951; Лорер Н.И. Записки декабриста / Под ред. М.В. Нечкиной. Иркутск, 1984. Розен А.Е. Записки декабриста / Публ. Г.А. Невелева. СПб., 2007.

⁷ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 56; Переписка между С.А. Масловым и П.Х. Граббе о подвиге Ермолова в Бородинской битве // Русский архив. 1869. Вып. 4. Стб. 61–64; Съезд членов «Союза

Некоторые историки причисляли Граббе к Московской управе Союза благоденствия⁸ и видели в нём «особенно политически активного заговорщика», являвшегося будто бы не только «выдающимся» представителем умеренного крыла тайного общества, но и одним из вдохновителей его Московского съезда в январе 1821 г., принявшего решение о самороспуске организации⁹. Чаще Граббе просто упоминали в числе друзей М.А. Фонвизина и И.Д. Якушкина¹⁰. Как же Павел Христофорович оказался в этом кругу и какую роль там играл?

К началу 1820-х гг. Граббе был уже заслуженным офицером с боевым опытом. В 15 лет, окончив 1-й Кадетский корпус, он поступил подпоручиком в роту капитана П.А. Чуйкевича во 2-м артиллерийском полку, прошёл кампании 1805–1807 и 1812–1815 гг., в 1810 г. был назначен военным атташе при посольстве в Мюнхене¹¹. Ещё в 1807 г. храбрый офицер обратил на себя внимание генерал-майора А.П. Ермолова и стал его адъютантом. За отличие в Отечественной войне 1812 г. Граббе удостоился орденов Св. Георгия 4-й ст., Св. Анны 2-й ст. и Св. Владимира 4-й ст. В декабре 1816 г. он получил чин полковника и месяц спустя был назначен командиром Лубенского гусарского полка, входившего в состав 2-й бригады 1-й гусарской дивизии и дислоцированного в Виленской губ.¹² По словам И.Д. Бурского, «гостеприимный, любезный, доступный Граббе группировал вокруг себя весь полк. К нему постоянно собирались офицеры и юнкера на обед; велась оживительная беседа о разных эпизодах недавних войн, свидетелей которых было ещё много в полку, хотя многие и повышали в отставку. На место уходивших Граббе старался переводить офицеров, ему лично известных»¹³.

В начале 1818 г., когда полк находился на зимних квартирах и офицеры страдали от вынужденного безделья и неодолимой тоски, Граббе прибыл в Москву, где остановился у своего товарища полковника Фонвизина¹⁴, у которого тогда же гостил и Якушкин. «Многие из моих знакомых выхваляли мне Граббе как человека отличного во всех отношениях, — вспоминал Иван Дмитриевич, — этого уже было достаточно для меня, чтобы не спешить с ним познакомиться; я полагал, что он, может быть, человек, проникнутый чувством высоких своих достоинств, а я такого рода отличных людей не очень жаловал. Мы прожили с ним несколько дней под одной кровлей, не сходясь ни разу. Наконец, в одно прекрасное утро он вошёл ко мне в комнату, когда я ещё лежал в постели, и сказал, протянув мне руку: “Я вижу, что Вы никак не хотите со

благоденствия»; Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 76. СПб., 1891.

⁸ Щёголев П.Е. Декабрист кн. Ф.П. Шаховской // Былое. 1907. № 8. С. 278; Порох И.В. Деятельность декабристов в Москве (1816–1825 гг.) // Декабристы в Москве. М., 1963. С. 45.

⁹ Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 469.

¹⁰ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898; Довнар-Запольский М.В. Тайное общество декабристов. М., 1906; Семёвский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909; Семёнова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982; Лотман Ю.М. Указ. соч.; Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощённые, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004.

¹¹ Из памятных записок графа... С. 39; Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: библиографический справочник. СПб., 2007. С. 231–232.

¹² РГВИА, ф. 395, оп. 60, д. 3417; Бурский И.Д. История 8-го Гусарского Лубенского полка. Одесса, 1912. С. 125.

¹³ Бурский И.Д. Указ. соч. С. 126.

¹⁴ В 1812 г. они вместе состояли адъютантами при Ермолове.

мной сойтись, так знайте же, что я непременно хочу познакомиться с Вами”». По словам мемуариста, «через какой-нибудь час мы уже хорошо познакомились друг с другом». Беседа, видимо, увлекла обоих: «Пока мы ходили, разговаривая, по комнате, человек Граббе принёс его долман и ментик. Я спросил его, куда он собирается в таком облачении. Он отвечал, что ему необходимо явиться к гр. [А.А.] Аракчееву. Между тем мы продолжали ходить, и разговор попал на древних историков. В это время мы страстно любили древних: Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого из нас настольными книгами. Граббе тоже любил древних. На столе у меня лежала книга, из которой я прочёл Граббе несколько писем Брута к Цицерону, в которых первый, решившийся действовать против Октавия, упрекает последнего в малодушии. При чтении Граббе, видимо, воспламенился и сказал своему человеку, что он не поедет со двора, и мы с ним обедали вместе, летом он уже никогда не бывал у Аракчеева, несмотря на то, что до него доходили слухи через приближённых Аракчеева, что граф на него сердится и повторял не раз: “Граббе этот, видно, возгордился, что ко мне не едет”¹⁵. Вскоре после этого Фонвизин принял Граббе в члены Тайного общества¹⁶. Но когда именно и при каких обстоятельствах это случилось, неизвестно.

В 1820 г. Лубенский полк перевели на постоянные квартиры в Дорогобуж¹⁷. Неподалёку в той же Смоленской губ. находились имения Фонвизина и Якушкина, а также М.Н. Муравьёва. Там Граббе познакомился и с кн. П.А. Вяземским, вдохновителем «кружка любителей литературы и свободолюбивцев»¹⁸. Жившая по соседству А.И. Колечицкая (урожд. Локошина) в 1824 г. отмечала: «В воздухе носится какое-то волнение умов; поговаривают о каких-то тайных обществах. У нашего Ивана Дмитриевича Якушкина... в Жукове собираются его друзья Михаил Николаевич Муравьёв, женатый на [П.В.] Шереметевой, сестре Анастасии Васильевны [Якушкиной], Фон-Визин, Граббе и другие... Брат Владимир слышит их толки о злоупотреблениях администрации, о застое общественной деятельности в России, о конституционном порядке других государств... Я люблю бывать в Жукове... милый наш Якушкин, друг юности нашей, так любезен, умён, в разговоре его столько занимательного, в библиотеке его всё, что есть нового в иностранной литературе, особенно по социальным вопросам. Хотелось бы чаще быть в таком обществе, где получаешь столько новых идей»¹⁹.

В мае 1820 г. в Жукове Якушкин, желая «за один раз прекратить все беспорядки в России», по вдохновению «придумал средство», которое сам позднее охарактеризовал как «чистый сумбур»: «Ночью, пока Фонвизин спал, я написал адрес к императору, который должны были подписать все члены Союза благоденствия. В этом адресе излагались все бедствия России, для

¹⁵ Полковник явно находился под влиянием «любимого своего начальника» Ермолова, отправленного в 1816 г. командовать войсками на Кавказе. В 1846 г. Павел Христофорович признался: «Он не любил графа Алексея Андреевича Аракчеева и князя [Л.М.] Яшвиля. Мы все возненавидели их, как ненавидят юноши, с исступлением, и я, как ближайший к нему, более других. Это была важная ошибка, и без сомнения [она] много впоследствии мне повредила» (Из памятных записок графа... С. 77, 98).

¹⁶ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 20.

¹⁷ Бурский И.Д. Указ. соч. С. 128–129.

¹⁸ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 472.

¹⁹ Цит. по: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 195–196.

прекращения которых мы предлагали императору созвать Земскую думу по примеру своих предков. Поутру я прочитал своё сочинение Фонвизину, и он, быв под одним настроением духа со мной, согласился подписать адрес». В тот же день друзья отправились в Дорогобуж. Но, как отметил позднее Якушкин, «к счастью, Граббе был благоразумнее нас обоих; не отказываясь вместе с другими подписать адрес, он нам ясно доказал, что этим поступком за один раз уничтожалось Тайное общество и что это всё вело нас прямо в крепость. Бумага, мной написанная, была уничтожена». Приятелям оставалось только долго рассуждать «о горестном положении России и средствах, которые бы могли спасти её»²⁰.

«В первых числах января» 1821 г. около дюжины заговорщиков вновь съехались в Москве, где неоднократно совещались о дальнейших действиях, а некоторые из них сочиняли новый устав тайного общества. Граббе участвовал в этих дискуссиях, проходивших в том же доме братьев М.А. и И.А. Фонвизиных, в котором он по привычке гостили. Правда, посещал он эти встречи, если верить его показаниям 1826 г., «не признавая небольшого числа собравшихся лиц обществом». «Но с той минуты, — утверждал полковник, — как мне показалось, что оно приняло оную форму, и искать стали оному названия, я предложил оное разрушить, сам в ту же минуту отстал и никакого ни с кем никогда сношения по сему предмету уже не имел». Более того, впоследствии он «старался изгладить не только из сердца, но, сколько возможно, из самой памяти воспоминания сего краткого заблуждения»²¹. Между тем подполковник Н.И. Комаров относил Граббе к «нетерпеливым и пылким характерам», составлявшим «партию» Фонвизина, поддерживавшую планы структуризации организации (разделение членов общества на три разряда и т.п.). Впрочем, и Комаров полагал, что Павел Христофорович затем от общества, «кажется, отстал совершенно»²².

В 1873 г. граф писал Н.М. Орлову («не как член “Союза благоденствия”, каковым, в сущности, я никогда не был», но как очевидец) о том, что «на съезде 1821 года» поддерживал мнение его отца, «общее значение коего состояло в настоятельном совете и убеждении присутствующим прекратить всякие дальнейшие действия по тому пути, по которому они до того следовали, так как он может довести лишь до общего зла и погибели»²³. Рассказ Якушкина о том, что М.Ф. Орлов призывал тогда «решиться на самые крутые меры» (завести подпольную типографию или литографию, устроить фабрику фальшивых ассигнаций и проч.), для Граббе был «необъясним»²⁴. Между тем его подтверждал агент тайной полиции М.К. Грибовский, в «съезде» не участвовавший, но уже в феврале—марте 1821 г. подробно сообщавший А.Х. Бенкendorфу о происходивших у Фонвизиных спорах. При этом и Грибовский указывал на «признаваемую нелепость сих требований» Орлова, возможно,

²⁰ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 35; Азадовский М.К. Указ. соч. С. 629.

²¹ Восстание декабристов... Т. 20. С. 233. См. также «Алфавит А.Д. Боровкова»: Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикованным к делу, произведённому высочайше учреждённою 17 декабря 1825 г. следственную комиссию // Декабристы: биографический справочник / Публ. С.В. Мироненко. Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1988. С. 250.

²² Восстание декабристов... Т. 20. С. 397–399.

²³ Съезд членов «Союза благоденствия». С. 374.

²⁴ Там же; Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 43.

выдвинутых лишь «для того, чтобы найти предлог отстать от Общества»²⁵. Характерно, что в том же донесении указывалось: «Фонвизины и Граббе, судя по рассказам имеющих с ними короткие связи и по действиям их в обществе, готовы на всё»²⁶.

Как стало известно Грибовскому, на одной из встреч Граббе поведал собравшимся о своих разговорах с непосредственным начальником – командиром 2-й бригады 1-й гусарской дивизии генерал-майором Д. В. Васильчиковым. Тот, беседуя с полковником С. Г. Краснокутским, командовавшим Олонецким пехотным полком 17-й дивизии, посетовал на отсутствие «между офицерами дружеских обществ» и услышал в ответ, что «есть очень большое и имеющее значительных членов». Видимо, «такой странный ответ возбудил подозрение генерала, и он расспрашивал подробнее у Граббе, не знает ли чего о сем обществе». Это «потревожило собравшихся в Москве» заговорщиков, ожидавших, что «генерал Васильчиков сообщит, наверное, о сем брату своему, командующему гвардейским корпусом, и таким образом правительство, имея в руках своих нить, может сделать некоторые открытия». В итоге из-за угрозы разоблачения были «сожжены все бумаги, и Общество закрыто»²⁷.

Весной 1821 г., сказавшись больным, Граббе не явился на общий смотр бригады, назначенный Васильчиковым и закончившийся конфликтом бригадного командира с офицерами обоих полков. Граббе и полковник кн. Ф. Ф. Гагарин, командовавший Клястицким полком, вступились за своих подчинённых, после чего скандал дошёл до главнокомандующего 1-й армией гр. Ф. В. Остен-Сакена, распорядившегося провести дознание и доложившего о случившемся Александру I. 4 мая 1822 г. император объявил выговор командиру корпуса, строгий выговор – начальнику дивизии, приказал отчислить Васильчикова от кавалерии, а Граббе отправить в отставку без предания суду «в уважение отличной его прежней службы»²⁸. Полковника выслали в Ярославль, запретив выезжать из губернии без особого позволения²⁹. Пенсия ему полагалась по низшему окладу (сказывалось «порочное поведение», тогда как выслуга не превышала 20 лет)³⁰. Как вспоминал Якушкин, «некоторые из коротких приятелей Граббе сложились и доставили ему годовое содержание, без чего он решительно не имел чем существовать», хотя, командуя несколько лет полком, мог составить себе «огромное состояние»³¹. Ермолов, не забывавший о своём бывшем приближённом, писал дежурному генералу (возглавлявшему Инспекторский и Аудиторский департаменты Военного министерства) генерал-майору А. А. Закревскому: «Обработали Граббе препорядочно, и отличный сей человек остаётся без пропитания»³².

²⁵ Бенкендорф А.Х. Записка о Союзе благоденствия, представленная Александрю I в мае 1821 г. // Декабристы в воспоминаниях современников / Под ред. В.А. Фёдорова. М., 1988. С. 185. Как вспоминал Якушкин, когда Орлов прочёл привезённые им «писанные условия, на которых он соглашался присоединиться к Тайному обществу... все смотрели друг на друга с изумлением», а сам мемуарист даже «сказал ему, что он, вероятно, шутит, предлагая такие нелепые меры» (Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 43).

²⁶ Бенкендорф А.Х. Записка... С. 186.

²⁷ Там же. С. 185.

²⁸ Бурский И.Д. Указ. соч. С. 129–130.

²⁹ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 56, л. 2–3.

³⁰ Устав о пенсиях и единовременных пособиях // ПСЗ-II. Т. 2. СПб., 1830. № 1592. С. 1034.

³¹ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 52.

³² Цит. по: Семёнова А.В. Временное революционное правительство... С. 120.

Проведя год в отставке, в апреле 1823 г. Павел Христофорович обратился к Александру I с всеподданнейшим письмом, где, в частности, заявлял: «Бывают времена, государь, в которые немилость царей есть только несчастие. В Ваше же — она и стыд. В сию эпоху славы и благоденствия Вами покоющейся и во всяком благе возрастающей России быть отверженным, как негодное орудие, в полном обладании всех душевных и телесных сил, с живейшим рвением ко всему полезному, с готовностью на всякую по мановению Вашему опасность и на всякий труд, с непрятворною и пламенною в сердце и уме к Вам приверженностью быть отринуту есть великое несчастье, — дерзаю выговорить, государь, несчастье, мною не заслуженное»³³. В июне из Главного штаба его вызвали в Петербург, а 30 августа он поступил под командование полковника С.Р. Лепарского (будущего коменданта Нерчинских рудников) в Северский конно-егерский полк 1-й конно-егерской дивизии 4-го резервного кавалерийского корпуса³⁴. Н.И. Тургенев отметил в дневнике: «Граббе определён на службу, но не сделан командиром того полка, в который он определён. Это его огорчает и бесит»³⁵. Со своей стороны, Лепарский «всевозможным вниманием старался облегчить неловкое положение Граббе, ...сказав ему, что “так как сам государь не нашёл Вас виновным, то мне нечего Вас опасаться”»³⁶.

В 1823–1824 гг. заговорщики, судя по списку старшего адъютанта в дежурстве пехоты Гвардейского корпуса поручика кн. Е.П. Оболенского, считали Граббе «отставшим от Общества» и давно уже ни с кем из членов не имевшим отношений³⁷. Тем не менее они не оставляли надежды вернуть полковника в свои ряды. Отставной подполковник М.И. Муравьёв-Апостол свидетельствовал, что в 1823 г. его брат Сергей, командир 2-го батальона Черниговского пехотного полка, просил прaporщика Нежинского конно-егерского полка Ф.Ф. Вадковского убедить Граббе основать «управу» в 1-й конно-егерской дивизии. Но больше С.И. Муравьёв-Апостол с Вадковским не виделся³⁸. П.И. Пестель ничего не слышал о Граббе до 1824 г., пока Матвей Муравьёв-Апостол не рассказал ему о своей встрече с Павлом Христофоровичем, оставившей желание «с ним опять увидеться и определительно о нём узнать»³⁹.

18 декабря 1825 г., через четыре дня после военного мятежа в Петербурге, последовал приказ об аресте Граббе, упомянутого в письме Вадковского к Пестелю⁴⁰. Вскоре полковника задержали в с. Полошки Черниговской губ., где он проводил отпуск в кругу семьи⁴¹.

Прибыв в Петербург, Граббе оказался на гауптвахте в одном помещении с поручиком Лейб-гвардии Финляндского полка А.Е. Розеном, который спустя десятилетия писал о «бодрости его духа» и «совершенном спокойствии»: «Он был одет щёголем в мундире Северского конно-егерского полка, со мно-

³³ Цит. по: Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения: избранные статьи по истории декабризма. Саратов, 1960. С. 255–256.

³⁴ РГВИА, ф. 395, оп. 291, д. 189, л. 5–6.

³⁵ Архив братьев Тургеневых. Т. 3. Вып. 5. Пг., 1921. С. 357.

³⁶ Цит. по: Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 106.

³⁷ Восстание декабристов... Т. 1. С. 239.

³⁸ Восстание декабристов... Т. 9. С. 268.

³⁹ Восстание декабристов... Т. 20. С. 235.

⁴⁰ Эйдельман Н.Я. Лунин. М., 1970. С. 109; см. также: Мироненко С.В. 14 декабря 1825 года. Восстания могло не быть // Отечественная история. 2002. № 3.

⁴¹ Декабристы: биографический справочник... С. 58.

жеством орденов, в числе их Георгиевский крест»⁴². 2 января 1826 г. на вопросы генерал-адъютанта В.В. Левашова полковник отвечал, что о существовании тайного общества не знал и потому не мог к нему принадлежать. После допроса по приказу Николая I его освободили, но на следующий же день арестовали вновь, так как на очной ставке с подполковником Комаровым он признал свою причастность к Союзу благоденствия и присутствие на московских совещаниях в январе 1821 г.⁴³

Арестованного содержали на главной гауптвахте до 18 марта, когда Николай I распорядился перевести полковника без суда на четыре месяца, до 19 июля, в Динаминскую крепость Лифляндской губ.⁴⁴, а затем «возвратить ему саблю его» и «приказать ему отправиться немедленно в полк на службу»⁴⁵. Такой оказалась цена политических разговоров и осведомлённости о цели тайного общества⁴⁶. Во время заключения Граббе дозволялась лишь переписка с супругой, но после освобождения он на два месяца вернулся к семье в с. Тростянец Полтавской губ. и потом уже отправился в Елец, где находился Северский конно-егерский полк, которым командовал тогда полковник П.И. Катаржи⁴⁷.

В 1828–1829 гг. Граббе оправдал доверие императора, отличившись в русско-турецкой войне – сначала во главе Новороссийского драгунского полка, а затем на посту начальника штаба Мало-валахского отряда⁴⁸. За храбрость и боевые заслуги он был награждён золотой саблей, украшенной бриллиантами, и орденами Св. Анны 1-й ст. и Св. Георгия 3-й ст. В 1829 г. он был произведён в генерал-майоры, в 1837 г. – в генерал-лейтенанты. Между тем его литературные вкусы и интересы почти не менялись: Граббе по-прежнему с увлечением читал сочинения Цезаря и других античных авторов, а также немецких и французских писателей, поэтов и мемуаристов XVIII–XIX вв.⁴⁹ В 1830-е гг. он стал завсегдатаем Английского клуба и, бывая в столице, охотно общался с литераторами – И.А. Крыловым, Н.И. Гречем, А.С. Пушкиным, О.И. Сенкевичем, Н.В. Кукольником и др. С 1838 по 1842 г. в его подчинении находились войска на Кавказской линии и в Черномории⁵⁰. В 1849 г. во время похода в Венгрию он являлся начальником особого отряда, выделенного для охранения Западной Галиции⁵¹, и вновь получил золотую саблю с алмазами⁵². Пятидесятилетие своей «правдивой службы государю и отечеству» 4 сентября 1855 г. он встретил уже генералом от кавалерии и командующим войсками в Эстляндии⁵³.

Причастность П.Х. Граббе к Союзу благоденствия не следует считать случайным эпизодом его биографии. В ней проявились настроения офицерской среды рубежа 1810–1820-х гг., особенности характера Павла Христофоровича

⁴² Розен А.Е. Указ. соч. С. 84.

⁴³ ГА РФ, ф. 48, оп. 1, д. 106, л. 3–3 об.

⁴⁴ Там же, л. 12.

⁴⁵ РГВИА, ф. 36, оп. 4, д. 42, л. 26.

⁴⁶ Ильин П.В. Новое о декабристах... С. 219–220.

⁴⁷ РГВИА, ф. 36, оп. 4, д. 42, л. 49, 101.

⁴⁸ Потто В.А. История Новороссийского драгунского погони. СПб., 1866. С. 557.

⁴⁹ Записная книжка графа... С. 2, 15, 16, 37, 42, 58.

⁵⁰ РГВИА, ф. 14719, оп. 3, д. 262; ф. 62, оп. 1, д. 23.

⁵¹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 18387.

⁵² Там же, ф. 395, оп. 155, д. 244, л. 1.

⁵³ Там же, ф. 62, оп. 1, д. 5, л. 64, 87–87 об.

и его дружеские связи. Но, видимо, даже разделяя стремления заговорщиков, он не рассматривал своё общение с ними как формальное участие в заговоре, подразумевающее определённые обязательства и ответственность. Служба всегда занимала в его жизни более важное место, нежели политические дискуссии и увлечения. И, несмотря на свойственную ему эмоциональность, у него хватило осторожности своевременно дистанцироваться от тайных обществ, а впоследствии храбростью на поле боя заслужить доверие Николая I и Александра II.